

УДК 81'373.612.2: 82–92

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МЕДИАЖАНРЫ: ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТАФОРЫ

Кирилл Сергеевич Филатов

аспирант кафедры речевой коммуникации

Санкт-Петербургский государственный университет,

Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций

199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26. pr.dept@jf.pu.ru

В статье автор обращается к проблеме использования метафор для развертывания аналитических медиатекстов. На основе когнитивной теории метафоры разрабатывается понятийный аппарат для анализа текстообразующих возможностей метафор в журналистских произведениях. Вводятся понятия языковой и художественной метафорических моделей и обосновываются закономерности привлечения каждой из них при написании текстов различных жанров. На материале современной аналитической журналистики демонстрируется отражение динамики социальной действительности с помощью метафорических моделей, а также трактуется структурная схема их развертывания.

Ключевые слова: метафора; когнитивная теория метафоры; аналитические медиатексты; языковая метафорическая модель; развертывание текста.

Текстообразующая сила метафор находит традиционное применение в поэзии и некоторых фольклорных жанрах (например, в загадках). Способность метафор получать распространение до целых поэтических текстов описана в научной литературе¹. Цель же данной работы показать, что метафоры могут становиться основой для разворачивания текстов, функционирующих в медиасфере. Так как журналистская деятельность во многом деятельность познавательная, наиболее адекватной рассматриваемому материалу научной теорией представляется когнитивная теория метафоры.

Фундамент когнитивной метафорологии заложили американские ученые Джордж Лакофф и Марк Джонсон. Трактую метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах другого вида» [Лакофф, Джонсон 2008: 27], они в книге «Метафоры, которыми мы живем» делают предположение о том, что вся человеческая концептуальная система организована посредством метафор. Такое нетривиальное, на первый взгляд, предположение находит многочисленные подтверждения в корпусе самых разных языков. Обобщая языковую эмпирику, Д. Лакофф и М. Джонсон приходят к выводу о существовании метафорических концептов, порождающих целую сеть метафор. Например, концепт «Спор – это война» закреплён во многих культурах посредством метафор: *победить в*

споре, атаковать/разгромить аргументы оппонента и др. Эти концепты позволяют осмыслять одно явление в терминах другого. Понятие, плохо определяемое через экспликацию его ингерентных характеристик, получает очерченность через интерактивные характеристики, закрепляемые за понятием с помощью метафор.

В появлении метафорических концептов обнаруживается ряд закономерностей. Большинство концептов организовано по принципу осмысления более абстрактного с помощью более конкретного. «Стоит только отождествить части нашего опыта с объектами или веществами, появляется возможность ссылаться на них, относить их к определенным категориям, группировать и определять их количество – и тем самым размышлять о них» [там же: 49]. Эта особенность подчеркивалась неоднократно учеными разных направлений. Например, Филипп Уилрайт пишет: «Семантическое движение здесь, как правило, происходит от более конкретного и легко схватываемого образа к тому, что, возможно, является более неопределенным, более сомнительным или более странным» [Уилрайт 1990: 83]. Зачастую характеристики объектов, познаваемых сенсорно, используются для метафорического обозначения признаков, относящихся к другому аспекту материи. «Модель физического мира, данного в ощущениях, принимается за модель микрокосмоса. Вследствие этого физическая

лексика используется для обозначения психических качеств человека, который может быть охарактеризован такими физическими предикатами, как: горячий, холодный...» [Арутюнова 1998: 362]. Другим характерным примером является персонификация. Представление неодушевленного объекта как человека позволяет выработать определенное отношение к этому объекту.

Повторим, метафоры, пронизывающие всю нашу концептуальную систему, предлагают определенный взгляд на то или иное явление. Это относится как к уже существующим метафорам, укорененным в культуре, так и к вновь созданным, имеющим тот же процесс в своем основании, т. е. любая метафорическая деятельность по сути своей познавательная. «Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Рассматриваемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой» [МакКормак 1990: 360]. Э. МакКормак выделяет три уровня сознания, порождающих метафору: познание, семантика и синтаксис, поверхностный язык. Соответственно цепочка метафорического процесса выглядит следующим образом: схватывание общих черт в процессе познания, языковое преобразование этого процесса и культурное закрепление метафоры в языке.

Как именно с помощью метафор осуществляется процесс познания? Метафора создается путем предикации объекту признаков источника. Значение метафоры определяется посредством вычленения этих признаков. Именно это и является целью метафоры, является тем новым, что она привносит в объект рассмотрения. Метафора, образованная вследствие подмеченного (возможно, сиюминутно) сходства, утверждает тождество. В этом ее гносеологическая сила. Лишенная связки подобия, она предсказывает новые признаки объекту. «Метафора статична; она отражает установившийся, лишенный внутренней динамики мир – мир сущностей. Метафора поэтому стремится уловить константные свойства объектов, их «душу», которую она благодаря своей образности делает доступной чувственному восприятию» [Арутюнова 1998: 279]. Итак, в общем виде можно представлять себе процесс привнесения метафорой знания следующим образом. Метафора предсказывает своему объекту какие-то признаки источника. Чтобы понять метафору, воспринимающий соотносит эти признаки с денотативным содержанием объекта и вносит их в него, потому что иначе метафора работала бы лишь как сравнение. В связи с этим уме-

стно говорить о том, что «метафора трансформирует свойство (действительное или привнесенное) в смысл» [Бирдсли 1990: 210].

Все это подводит нас к пониманию того, что метафоры обладают моделирующей силой. «Метафора близка к понятию модели в своем общепознавательном смысле. Моделирование при этом понимается как сам процесс познания, ибо познать объект – значит создать его модель» [Лапиня 1988: 138]. Следовательно, то, что Дж. Лакофф и М. Джонсон называют метафорическим концептом, может быть приравнено к понятию метафорической модели: «...метафорическая модель – это понятийная область (область источника в когнитивной интерпретации метафоры), элементы которой (смыслы и сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями <...>, причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» [Баранов, Караулов 1994: XV]. При таком определении становится понятно, почему метафора может обладать текстообразующим потенциалом. Заимствуя какие-либо семантические признаки для описания объектов из определенной понятийной области, метафора вовлекает в процесс сравнения и другие семы этой области, некоторые из них могут оказаться релевантными объекту метафоризации. «Употребление метафор в определенной степени сходно с цепной реакцией, в силу того, что они образуют нечто вроде «кустовой» системы, и, выбрав один из элементов системы, человек вынужден отбрасывать те, которые неогеретны с ним» [Лапиня 1988: 137–138]. Таков принцип «работы» любой метафоры. Для его описания К. Бюлером была предложена так называемая теория фильтра. Рассмотрим аналогию. Если в проектор вставить светонепроницаемую карточку с прорезями, то на экране отобразятся световые пятна. Если вставить еще одну карточку, но с другой перфорацией, на экране появится рисунок, соответствующий картине наложения прорезей. То же самое происходит с процессом метафоризации. Объект и источник накладывают семантические ограничения на актуализацию некоторых своих (несовместимых в данной метафоре) сем / импликаций / признаков. «Мы как бы «смотрим» на главный субъект «сквозь» метафорическое выражение – или, говоря другими словами, главный субъект «проецируется» на область вспомогательного субъекта» [Блэк 1990: 165]. Однако сторонники данной теории делали акцент на невозможности вхождения каких-то сем источника в объект метафоризации. Для нас же принципиальным является

то, что метафора может быть продуктивна не только как конкретный предикат, но и как целая семантическая модель, из которой можно черпать все новые и новые свойства объекта, приближая нас тем самым к его более полному познанию. Основной единицей развертывания журналистского текста выступает, следовательно, не конкретная метафора, а метафорическая модель, которая за ней стоит.

Нами был проанализирован массив публикаций в качественных изданиях, поскольку именно данный тип изданий предполагает высокий интеллектуальный уровень читателя, что дает возможность журналистам использовать такой сложный когнитивный механизм, как метафоры. Как показал анализ эмпирического материала, возможны два типа журналистских текстов, основанных на метафоре: журналист может использовать готовую, укорененную в языке, метафорическую модель, а может создать свою. Введем соответствующие термины: языковая метафорическая модель (ЯММ) и художественная метафорическая модель (ХММ) по аналогии с общераспространенным делением метафор. В настоящей статье речь пойдет о развертывании ЯММ.

Показательным примером текста такого типа является статья Константина Угодникова, опубликованная в №35 журнала «Итоги» за 2008 г.

Слезает с «иглы»

Нефтезависимость российской экономики сокращается. Вопрос какой ценой?

<...>

Оценивать эту тенденцию можно двояко. С одной стороны, получается, что Россия **слезает с нефтяной «иглы»**, что в принципе должно обезопасить ее при падении цен на черное золото. С другой – избавление от **нефтяной зависимости** происходит не благодаря улучшению структуры экономики. Падение доли нефти в отечественном ВВП связано не только и не столько с ожидаемой диверсификацией – в стране истощаются разведанные месторождения.

<...>

Правительство ставит задачу не просто избавиться экономику от **углеводородной «ломки»**, но и сделать это как можно менее болезненно. С этим как раз и могут возникнуть проблемы. Дело в том, что уменьшение доли нефтегазовых доходов в бюджете не компенсируется увеличением поступлений от других отраслей. По данным Росстата, в июле рост промышленного производства составил всего 3,2 процента. Экономисты уже говорят о грядущей стагнации.

Примечательно, что добыча нефти в июле сократилась на 1,9 процента. «У нефтяников боль-

шая **долговая нагрузка** и недостаточно средств, чтобы вкладывать в новые проекты», – полагает аналитик «Юникредит Атон» Павел Сорокин. Исправить ситуацию могло бы снижение **налогового бремени** на нефтяную отрасль. Для этого правительство собирается с 1 января увеличить необлагаемый минимум при расчете ставки налога на добычу полезных ископаемых с 9 до 15 долларов за баррель. Кроме того, кабинет министров намерен расширить возможности применения понижающего коэффициента при добыче нефти на месторождениях с высокой степенью износа, а также расширить список территорий, на которые распространяются налоговые каникулы. Многие из этих предложений уже одобрены Госдумой. Данные меры, как полагают эксперты, будут способствовать улучшению финансовой ситуации в нефтяных компаниях. Но одновременно сократятся и нефтегазовые доходы бюджета.

Минфин прогнозирует, что в результате профицит федерального бюджета начнет снижаться уже в следующем году. А в следующем десятилетии, если тенденция не изменится, он вообще может смениться дефицитом. И тогда Россия **не «слезет» с нефтяной «иглы», а «спрыгнет»**. Чтобы этого не произошло, в Минфине считают необходимым как можно быстрее перейти к формированию **ненефтяного бюджета**. «Было бы правильным пойти по пути более жесткого ограничения использования нефтяных доходов внутри страны уже сейчас. И **ненефтяной бюджет** является наилучшим инструментом для этого», – пояснили «Итогам» в Министерстве финансов. Согласно концепции его доходная часть должна полностью формироваться из средств, не связанных с нефтегазовой отраслью, а возникающий дефицит покрываться за счет целевых трансфертов из Резервного фонда. Однако их размер Минфин предлагает ограничить, прописав соответствующую цифру в Бюджетном кодексе. <...>

Перед нами пример аналитической статьи. В ней речь идет о перспективах российской экономики в связи с истощением запасов нефти, являющейся существенной статьей государственного бюджета. Для осмысления данной ситуации автор статьи привлекает метафорическую модель: нефть – это наркотик. Можно смело утверждать, что перед нами ЯММ, поскольку она уже прочно внедрена в публицистическую картину мира; это наглядно демонстрирует ее широкая эксплуатируемость в качественной периодике (в той или иной вариации только в журнале «Итоги» нами было зафиксировано 23 случая использования данной ММ начиная с 2001 г.). Данная метафорическая модель проясняет значимость

нефтедобычи для экономики России сразу через несколько «семных вхождений», что и делает невозможным развертывание целого текста.

Метафоричность анализируемого текста задана уже в заголовке. Слово игла, взятое в кавычки, в соотнесенности с жаргонным словосочетанием «слезаем с иглы» сразу же вводит базовую метафору, которая проясняется в лиде словом «нефтезависимость». Обратим внимание на то, что это слово выполняет номинативную, а не предикативную, более характерную для метафор, функцию, что также указывает на языковой характер модели.

Разворачивая текст, автор последовательно использует слова и словосочетания метафорической природы: «слезает с нефтяной “иглы”», «нефтяной зависимости», «“ломки”». Все они, очевидно, черпаются из базовой ЯММ, т. е. принадлежат той же семантической сфере, что и понятие «наркотик».

Однако неоправданно было бы говорить о развертывании ММ, если бы в ходе текста ее возможные расширения использовались лишь для описания положения дел. Как было сказано выше, метафора призвана привносить новое понимание описываемой ситуации в текст. В данном случае это достигается за счет разрушения устойчивого сочетания: «И тогда Россия не “слезет” с нефтяной “иглы”, а “спрыгнет”». Посмотрим на прямые значения слов «слезть» и «спрыгнуть», так как их переносные значения в словарях не зафиксированы.

Слезть

слезу, слезешь; прош. слез, -ла, -ло; повел. слезь; сов. (несов. слезать).

1.

Спуститься с чего-л., придерживаясь за что-л.

Слезть с дерева. Слезть с забора. Слезть с печи.

Спрыгнуть

-ну, -нешь; сов. (несов. спрыгивать).

Прыжком спуститься с чего-л., прыгнуть вниз; соскочить.

Спрыгнуть со ступеньки. Спрыгнуть в канаву [Словарь русского языка 1981–1984].

Таким образом, для данной метафоры принципиальной оказывается сема стремительности действия в лексическом значении глагола «спрыгнуть». А учитывая то, что все предыдущие рассуждения журналиста располагались в семантическом поле «зависимость от наркотика», сразу же возникает ощущение болезненности такого «прыжка». Это и является основной мыслью автора. Здесь отчетливо видна когнитивная сила метафоризации: осмысленная в терминах наркотической зависимости проблема за-

висимости российской экономики от нефти получает более четко сформулированную оценку как болезненно опасной для общества. Добавим также, что такое понимание значения нефти в российской экономике сразу же позволяет поставить вопрос о возможных способах разрешения этой болезненной ситуации.

Необходимо обратить внимание на другие метафоры в тексте. Все они носят языковой характер из-за ограничения на экспрессию, наложенную самим жанром. Метафоры «долговая нагрузка» и «налоговое бремя» уточняют описание страдающей нефтяной области. Вообще, можно говорить о том, что именно сочетание метафор позволяет разворачивать смысловое содержание целого текста.

Обобщим результаты. Метафорическое развертывание широко применяется в журналистских текстах, поскольку в самой природе метафоры заложен текстообразующий потенциал. В отношении таких текстов более оправданно говорить о метафорических моделях. Опираясь на когнитивные теории метафор и на основе анализа материала, мы предложили термины *языковая метафорическая модель* и *художественная метафорическая модель*. Первая на уровне понятийного поля источника соотносится с языковой метафорой, вторая – с художественной.

Прием развертывания метафоры до уровня текста не востребован в информационных жанрах (что, по всей видимости, объясняется их ориентацией лишь на сообщение информации, а не на ее аналитическую обработку). В процессе исследования нами были выявлены только статьи аналитического и художественно-публицистического характера. Развертывание текста с помощью языковых метафорических моделей наблюдается в обоих типах, однако более характерно для аналитики. Такое распределение представляется весьма предсказуемым, поскольку метафорические модели пронизывают нашу понятийную систему и, соответственно, в том или ином виде могут присутствовать в любых типах текстов, однако именно в аналитических публикациях они находят наибольшее применение, поскольку, как было показано выше, метафоры являются одним из основных способов познания и концептуализации действительности.

Стандартная схема развертывания аналитического материала на основе ЯММ такова: объект метафоризации описывается при помощи воспроизводимо отбираемых признаков, извлекаемых из семантического поля источника, а затем получает новую трактовку благодаря актуализации не актуализированного до сих пор признака.

Художественные метафорические модели (оставшиеся за пределами анализа в данной статье) встречаются только в художественно-публицистических жанрах, что вполне закономерно, если учитывать их ориентацию на выражение авторской позиции и повышенную экспрессивность (чему в первую очередь способствует именно метафора). Художественные метафорические модели активно используются в качестве оценки.

На связь метафоры с оценкой указывали разные ученые², однако механизм функционирования оценочных значений, выраженных на уровне развернутых метафор, требует углубления исследований. Другим перспективным вектором исследования является изучение влияния используемых в журналистских текстах метафорических моделей на формирование публицистической картины мира.

Примечания

¹ См., например: [Кураш 2001].

² См. работы Н. Д. Арутюновой и Е. М. Вольф.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1998. 896 с.
Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.

Бирдсли М. Метафорическое сплетение / пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 201–219.

Блэк М. Метафора / пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–173.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.

Кураш С. Б. Метафора и ее пределы: микроконтекст – текст – интертекст. Мозырь: МозГПИ им. Н. К. Крупской, 2001. 112 с.

Латиня Э. А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 134–145.

МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения: 07.11.2013).

Угодников К. Слезаем с «иглы». Нефтезависимость российской экономики сокращается. Вопрос какой ценой? // Итоги (журн.). 2008. №35.

Уилрайт Ф. Метафора и реальность / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 82–110.

ANALYTICAL MEDIA GENRES: TEXT FORMING POTENTIAL OF METAPHOR

Kirill S. Filatov

Post-graduate Student of Speech Communication Department
Saint Petersburg State University

The article raises the problem of the use of metaphors to produce analytical media texts. With the use of the cognitive metaphor theory the author forms the conceptual apparatus for analysing the metaphor's text forming potential. The research introduces the concepts of language and artistic metaphorical models and justifies the laws of their use when writing texts of various genres. The article, based on modern analytical journalism, traces the dynamics of social reality in forms of metaphorical models and interprets the structural scheme of the models building.

Key words: metaphor; cognitive theory of metaphor; analytical media texts; metaphorical language model; text.